

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Объект авторского права

УДК 82-144:821.161.1”19/20”

ЧЕРКЕС

Татьяна Владимировна

**ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА БАЛЛАДЫ В РУССКОЙ
ПОЭЗИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XXI ВВ.: ХРОНОТОП,
СЮЖЕТ, СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.08 – теория литературы. Текстология

Минск, 2023

Научная работа выполнена в учреждении образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Научный руководитель: **Автухович Татьяна Евгеньевна**,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской филологии УО
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»

Официальные оппоненты: **Кислицына Анна Николаевна**, доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом теории и истории белорусской литературы филиала «Институт литературоведения имени Янки Купалы» ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»

Шамякина Славяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и славянского литературоведения УО «Белорусский государственный университет»

Оппонирующая организация: **УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»**

Защита состоится « 24 » мая 2023 г. в 14.30 на заседании совета по защите диссертаций Д 01.42.04 при ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: inlinasbel@tut.by; тел.: (017) 270-18-85).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 15).

Автореферат разослан «20» апреля 2023 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций
кандидат филологических наук

Е. И. Богдан

ВВЕДЕНИЕ

Жанр как способ высказывания о мире вызывает повышенный интерес гуманитарной науки. Выбор баллады как объекта диссертационного исследования обусловлен возрастающей активностью жанра в современной литературе. Актуальными и требующими осмысления остаются проблема генезиса жанра, причины и динамика изменчивости баллады в «кризисных» исторических обстоятельствах. *Теоретическая значимость* диссертации заключается в разработке нового подхода к балладе, который предполагает рассмотрение инвариантных и вариативных признаков жанра в аспекте исторической поэтики, что позволяет объяснить динамику развития жанра на протяжении конца XVIII – начала XXI вв. *Историко-литературная актуальность* исследования состоит в определении новых аспектов в эволюции русской баллады, места жанра в литературном процессе. *Социокультурное значение* обусловлено тем, что изучение жанра баллады в аспекте исторической поэтики помогает понять взаимосвязь литературы и действительности, осмыслить происходящие сегодня в обществе процессы. *Актуальность* исследования для белорусского литературоведения состоит в том, что предлагаемая в диссертации модель анализа произведений балладного жанра позволяет выявить жанровое своеобразие баллады и пути ее развития в национальных литературах.

Диссертационное исследование, в котором впервые предлагается теоретическое обоснование мифологического генезиса балладного жанра, осмысление категориальных признаков баллады, факторов и признаков трансформации жанра, может быть использовано при дальнейшем изучении жанра, а также в процессе вузовского и школьного преподавания литературы, что определяет *практическую значимость* исследования.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами

Диссертационное исследование выполнено на кафедре русской филологии учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» в рамках научно-исследовательской темы «Проблемы теоретической и исторической поэтики» и научно-исследовательской работы «Быт и Бытие в русской и белорусской литературе XX–XXI вв.: ценностные трансформации и их эстетические преломления» (№ госрегистрации 20212279, 2021–2025 гг.) Государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство». Диссертация соответствует приоритетным направлениям фундаментальных научных исследований Республики Беларусь на 2021–2025 гг. (п. 6 «Обеспечение безопасности человека, общества и государства»; Указ Президента Республики Беларусь от 07.05.2020 № 156).

Цель, задачи, объект и предмет исследования

Цель работы – выявить генезис, проследить эволюцию и определить факторы, механизмы и тенденции развития основных структурных компонентов литературной баллады в русской поэзии конца XVIII – начала XXI вв.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие *задачи*:

1. Обосновать генетическую связь жанра баллады с космогоническим мифом и сюжетом Священного брака.
2. Выявить инвариантные и вариативные признаки жанра, доказать, что эволюция баллады проявляется в трансформации ее инвариантных признаков и отражает мировоззренческие, социокультурные, эстетические изменения.
3. Обозначить специфику хронотопа и характер изменения границы между мирами на основных этапах эволюции баллады.
4. Определить специфику балладного сюжета, охарактеризовать значимые для баллады варианты свадебного сюжета, выявить причины и способы сюжетных преобразований.
5. Рассмотреть особенности номинаций балладных героев, субъектной организации и речевой сферы баллады в их обусловленности изменениями представлений о человеке и его месте в мире как маркеры развития жанра.

Объект исследования – генезис, динамика, факторы и механизмы эволюции баллады.

Предмет исследования – специфика хронотопа, свадебного сюжета и субъектной организации баллады на основных этапах ее развития.

Материал исследования – русская литературная баллада конца XVIII – начала XXI вв.

Методология исследования определяется установками теоретической и исторической поэтики и включает генетический, историко-типологический, мифологический и структурно-семиотический методы с элементами культурно-исторического подхода.

Научная новизна

В диссертационном исследовании осмыслены причины и способы жанровых трансформаций на значимых этапах развития баллады. Выявлена генетически обоснованная связь жанра с мифологическим свадебным сюжетом, определены жанрообразующие признаки баллады на уровне хронотопа, сюжета, субъектной структуры и факторы ее обновления, рассмотрены этапы становления и пути развития жанра баллады в историческом и социокультурном контекстах.

Положения, выносимые на защиту

1. Имманентную основу жанра баллады составляет сюжетный комплекс свадьбы, восходящий к космологической модели происхождения Вселенной, которая в силу персонификации пралогического мировосприятия представлена в образах брачной пары: жениха и невесты. Источником жанра баллады является

сюжет несостоявшейся свадьбы, который свидетельствует о разрушении целостности мироздания.

2. Инвариантными признаками баллады являются специфический хроно-топ – двоемирие, событие пересечения границы между мирами или контакта с Иным миром, свадебный сюжет. Способность баллады к трансформациям при сохранении жанровой идентичности определяется вариативными модификациями константных жанрообразующих признаков, которые обусловлены мировоззренческими, социокультурными и эстетическими изменениями.

3. Основные этапы развития баллады связаны с переломными периодами истории, определяющими изменения хронотопа. Для баллады конца XVIII – начала XIX вв. характерно четко выраженное двоемирие с непроницаемой границей между мирами; в балладе Серебряного века при размывании границ имеет место как универсализация – создание многомерного хронотопа благодаря использованию исторических, литературных, мифологических параллелей, так и сближение с реальностью (аллегоризация сюжета); для советской баллады характерно упразднение двоемирия и перенесение события в этот мир; в балладе рубежа XX–XXI вв. пространственно-временные и ментальные границы элиминируются, событие пересечения границ становится возможным в сознании героя.

4. В литературной балладе сюжет несостоявшейся свадьбы реализуется в двух вариантах – возвращение мертвого жениха и явление мертвой невесты / русалки. В канонической балладе эпохи романтизма оба сюжета получают развернутое воплощение в событии пересечения границы между мирами. В неканонической балладе сюжет присутствует либо эксплицитно в балладах-стилизациях, в переосмысленных образах-архетипах (жених – невеста, русалка), либо имплицитно в виде системы мотивов, восходящих к мифу или литературной традиции; трагическое событие встречи переносится в современный мир.

5. Субъектная организация баллады отражает изменение представления о человеке и его месте в мире. Эволюция жанра проявляется в изменениях типа героя и его номинации; в соотношении голосов повествователя и героя и способах фокализации события; изменении коммуникативной ситуации и специфике речевой сферы.

Личный вклад соискателя ученой степени в результаты диссертации с отграничением их от соавторов совместных исследований и публикаций

Диссертационное исследование является научной работой, выполненной автором самостоятельно в полном объеме. Все статьи написаны без соавторов.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов

Результаты диссертационного исследования апробированы на 12 научных конференциях: XVI, XVII, XVIII и XIX Международных научных конференциях «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоре-

тической и исторической поэтики» (Гродно, 19–21 сентября 2016 г.; 21–23 сентября 2018 г.; 21–23 сентября 2020 г.; 22–24 сентября 2022 г.); Международной научной конференции «Владимир Высоцкий – поэт, актер, певец, композитор» (Гродно, 2–4 мая 2018 г.); VII и IX Международных конференциях молодых ученых «Littera terra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы» (Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, 7 декабря 2018 г., 4 декабря 2020 г.); IV Международном очно-заочном научно-практическом семинаре «Собственное имя в жизни литературы» (Горловка, 18 декабря 2018 г.); Международной научной конференции «80-летие елецкой филологии» (Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, 17–19 октября 2019 г.); II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых «INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения» (Екатеринбург, 5 апреля 2019 г.); III Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы литературоведения, языкознания и культуры Восточной Сибири, Монголии и Китая» (Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, 15 октября 2020 г.); Всероссийской научной конференции «Сюжетология / сюжетология – 7: Литературные константы и культурные универсалии» (Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, 18–20 мая 2021 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (акт внедрения № 03-8/022 от 15.07.2021).

Опубликованность результатов диссертации

Основные положения и результаты исследования нашли отражение в 27 публикациях, из них 11 представлены в научных журналах, соответствующих п. 19 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь (9,16 авт. л.), 10 – в сборниках научных работ и других научных изданиях (8,32 авт. л.), 5 – в сборниках материалов научных конференций (2,57 авт. л.), 1 в других (7,49 авт. л.). Полный объем опубликованных материалов – 27,54 авт. л.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, четырех глав, заключения, библиографического списка, который включает список использованных источников (291 позиция) и список публикаций соискателя ученой степени (27 позиций). Общий объем исследования составляет 164 страницы, в том числе основной текст – 114 страниц, библиографический список – 24 страницы, 6 приложений – 26 страниц.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В главе 1 «Генезис и факторы динамики жанра баллады» выявляются аспекты рассмотрения проблемы, определяется методология и направления исследования жанра баллады в диссертации.

В разделе 1.1 «Аналитический обзор по теме диссертации, определение проблемного поля и методологии исследования» рассматриваются подходы к жанру в теоретической и исторической поэтике (М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, Н. Л. Лейдерман, В. И. Тюпа, Н. Д. Тамарченко, С. Н. Бройтман, О. В. Зырянов и др.), к соотношению жанра и мифа (А. Н. Веселовский, О. М. Фрейденберг, Е. М. Мелетинский и др.), характеризуются основные направления изучения баллады, среди которых: происхождение баллады (А. Н. Веселовский, Д. М. Балашов), определение жанровой доминанты баллады (Б. В. Томашевский; В. И. Тюпа, М. Л. Гаспаров, С. Серотвиньски, Г. Вилперт, Д. М. Магомедова), своеобразия поэтики (С. Н. Бройтман, Д. М. Магомедова, Б. П. Иванюк, Е. Е. Анисимова); исследование периодов развития жанра и роли индивидуально-авторского начала в обновлении баллады (Л. Н. Душина, Р. В. Иезуитова, С. И. Ермоленко, Т. А. Ёлшина, Н. В. Барковская и др.), принципы классификации (А. В. Кулагина, Ю. И. Смирнов, Б. Н. Путилов). Отмечается вклад белорусских ученых в изучение баллады (А. А. Гугнин, И. Ф. Штейнер, О. А. Лиденкова, Е. А. Папакуль и др.).

По мнению диссертанта, изучение литературной баллады – *нарративного одноконфликтного поэтического произведения* предполагает характеристику принципов объектной (хронотоп, сюжет) и субъектной (соотношение голосов автора и героя, речевая сфера) организации текста, выявление инвариантных и вариативных признаков, что является областью теоретической поэтики. Определение канонической модели баллады даст возможность рассмотреть эволюцию жанра как отражение мировоззренческих изменений. Осмысление трансформаций «стволовых линий исторического развития»¹ жанра в диахронической перспективе предполагает обращение к методологии исторической поэтики.

В разделе 1.2 «Мифологический свадебный сюжет как протосюжет баллады» рассматривается генезис и исторические причины возникновения жанра, обосновывается связь баллады с сюжетом свадьбы.

Онтологическая функция² сюжета восходит к мифу, ядро которого составляет модель Космоса – Священный брак *невесты-земли* и *жениха-неба*. Космогонические мифы «предопределили структуру и форму других мифов, трактующих во-

¹ Тюпа, В. И. Дискурс / Жанр / В. И. Тюпа. – М. : Intrada, 2013. – С. 30.

² Лотман, Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении / Ю.М. Лотман // Избр. ст. : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 240.

просы происхождения, причинности и т. п.»³, стали ядром фольклорных и литературных жанров, в том числе баллады. По мнению диссертанта, на связь *баллады* с протосюжетом свадьбы указывает ограниченное количество героев, что, согласно Ю. М. Лотману, выявляет мифологические основы жанра; наличие форм родовых отношений (герои – *жених / невеста, муж / жена*); гетерогенность жанра, который восходит к ритуально-мифологическому комплексу свадьбы; двоемирие; ситуация *порога, выход за грань* как основа сюжетного конфликта. Для баллады характерен сюжет *несостоявшейся свадьбы*, в котором метафорически отражается трагическая невозможность соединения противоположностей, разрушение гармонии Космоса при проникновении Хаоса через границу, разделяющую свой и Иной мир.

Понимание мифологического сюжета свадьбы как протосюжета баллады позволяет осветить вопрос становления европейской, в том числе русской литературной баллады на рубеже XVIII–XIX вв. В это время актуализируется процесс выделения индивидуального сознания Я из родового Мы⁴, начинается переход от традиционалистской эпохи к эпохе модерна – эти изменения воплотились в балладе с ее семантикой катастрофы миропорядка. В балладе человек есть «способ описания космических процессов, столкновений между силами, нравами и природой»⁵, что предполагает возможность ее прочтения на буквальном, аллегорическом, символическом и мистическом (как указание на непознаваемость мира) уровне. Сочетание мифопоэтического, историко-вариативного подходов и принципов многоуровневого истолкования позволяет на примере эволюции сюжета свадьбы проследить связь жанра с историей и экзистенциальной ситуацией времени создания баллад.

В разделе 1.3 «**Инвариантные и вариативные признаки баллады**» выделяются жанрообразующие маркеры баллады, параметры ее целостного анализа.

Жанровая валентность баллады (Б. П. Иванюк), ее связь с жанрами волшебной сказки, исторической песни, элегии и др. проблематизирует выделение ее жанрообразующих признаков. Вместе с тем анализ канонической баллады эпохи романтизма позволяет выделить инвариантные признаки баллады: *гетерогенность / синтез эпоса, лирики и драмы; нарративность; двоемирие* и наличие *проницаемой границы*; категория *чудесного*; *инверсированный сюжет свадьбы*; *одноконфликтность*; *инициация* (встреча с представителем Иного мира); эмоционально-экспрессивный фон; динамизм, *эпизодичность* повествования.

К вариативным признакам относятся переосмысление сущности двух миров и границы между ними; преобразование сюжета свадьбы; обновление субъектной структуры – их трансформации обусловлены мировоззренческими, социокуль-

³ Топоров, В. Н. Мировое дерево : универсальные знаковые комплексы : в 2 т. / В. Н. Топоров. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 2. – С. 6.

⁴ Тюпа, В. И. Дискурсивные формации : Очерки по компаративной риторике / В. И. Тюпа. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – С. 23–24.

⁵ Wilpert, Gero von. Sachwörterbuch der Literatur / Gero von Wilpert. – 7, verb. u. erw. Aufl. – Stuttgart : Kröner, 1989. – XI. – S. 73.

турными и эстетическими изменениями. К *периферийным* признакам относятся принципы стиховой организации баллады.

Параметры анализа в диссертации обусловлены необходимостью исследования целостности баллады в динамике функционирования компонентов *модели объектно-субъектной организации* художественного текста⁶.

В главе 2 «**Эволюция двоемирия и переосмысление границы в пространственно-временном континууме баллады**» рассматривается, как типологический балладный хронотоп (семантика частей двоемирия, их детализация, способы и средства пересечения границы) представлен в художественном мире русской баллады на разных этапах ее развития.

В разделе 2.1 «**Хронотоп в романтической балладе**» показывается противоречивость мировоззренческих, социокультурных и эстетических интенций, что, с одной стороны, определяет смысловую многозначность предметных деталей хронотопа в балладах русских романтиков; с другой стороны, выявляет непоследовательность усвоения опыта европейского романтизма, что объясняется замедленным процессом формирования личностного начала в России, ее приверженностью традиционным ценностям.

Так, сопоставление хронотопа в балладах В. А. Жуковского «Людмила» и «Светлана» показывает доминирование традиционной картины мира и ее одинаковое ценностное осмысление: средствами характеристики миров (мира живых и мертвых как земного и потустороннего, а также земного и небесного) служат временные и пространственные образы-архетипы, хтонические животные и сакральные предметы, встречающиеся в дохристианской и библейской мифологии. Граница между мирами закрыта – для ее пересечения необходимы «кризисная» ситуация и «чудесные» помощники: мифологические образы (кони, голубь) или предметы, обладающие магической силой (зеркало). В балладе «Светлана» погружение в пограничное состояние открывает новые возможности «параллельной реальности»: мир мертвых появляется из глубин подсознания героини, возникает феномен двойничества (истинный и ложный жених, мертвые и живые кони), что на символическом уровне обозначает два варианта жизненного пути. Ночной сон героини предполагает двойственное толкование – традиционное (ночь – время активизации сил Тьмы) и предложенное философией романтизма (ночь – время самопознания). В балладе «Эолова арфа» антитеза *конечного* и *бесконечного* реализуется через противопоставление внешнего и внутреннего, телесной и духовной красоты. Литературные параллели, автобиографические мотивы, обретение вечной жизни по ту сторону, духовная победа над миром Зла означают возможность интерпретации баллады как изображения *реального* и *ирреального* события.

⁶ Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Академия, 2004. – Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – С. 32–33.

Эти тенденции реализовались в балладах позднего романтизма, где актуализируется *реально-бытовой* («Погоня» Ф. Н. Глинки) и *символический* («Морская царевна» М. Ю. Лермонтова) подтекст изображенного события. Делается вывод, что в хронотопе романтической баллады семантика бинарной диады *живой – мертвый* осмысливается в рамках оппозиции *конечное – бесконечное*. Встреча миров катастрофична; переход границы создает кризисную ситуацию, отражающую неоднозначность законов мироустройства.

В разделе 2.2 «**Мифологизация хронотопа в балладе Серебряного века**» определяются хронотопические трансформации баллады рубежа XIX–XX вв., обусловленные формированием неомифологизма. Показывается, что в балладах происходит расширение пространственных и временных рамок благодаря установке на создание биографического мифа. Этим обуславливается семантическая двойственность деталей хронотопа и неоднозначность истолкования образов героев, отсылающих как к традиции романтической баллады, так и к символистской концепции творчества как теургии («Любовники» Н. Гумилева); нивелирование и переосмысление границ двоемирия отражается в отсутствии проводников между мирами и символизации предметных деталей, открывающих путь в ирреальный мир («Гадай и жди. Среди полночи...» А. Блока, «Невеста» И. Бунина), а также в мифологизации новых средств передвижения («Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева). Мифологизация действительности проявляется в аллегоризации хронотопа («Баллада о безногом рояле» М. Зенкевича); использование интертекстуальных отсылок к образам мифа и литературы, поэтика намеков позволяет редуцировать традиционный сюжет баллады за счет семиотической насыщенности деталей хронотопа («Шут» А. Белого, «В лесу» А. Ахматовой), определяет путь героя как путешествие по глубинам культурной памяти, характеризуя размышления автора о выборе модели поведения во времена исторических катастроф и экзистенциального кризиса. Подчеркивается, что в балладе рубежа веков вследствие диффузии миров Добро и Зло меняются местами, отражая нарушение миропорядка; тенденции к универсализации за счет мифологизации хронотопа сопутствует тенденция сближения с реальностью путем создания сюжета-аллегии.

В разделе 2.3 «**Демифологизация / ремифологизация хронотопа в балладе второй половины XX – начала XXI вв.**» прослеживается изменение хронотопа в балладе советского периода (утверждение единомирия в рамках атеистического сознания, затем восстановление двоемирия в период духовных поисков 70–80-х гг.) и в постсоветской балладе (утверждение многомирия как представления о мире как хаосе текстов и осмысление двоемирия как принадлежности мифологизированного сознания массового человека).

В хронотопе «Баллады о чудном мгновении» П. Антокольского событие последней встречи (визуальная буквализация пушкинского мифа) происходит днем, а не ночью, упраздняется оппозиция *День – Ночь*, за которой стоит оппозиция

этот – иной мир; оппозиция конечное – бесконечное преобразуется в оппозицию смерть – бессмертие; редуцируется условность: событие пушкинского мифа воспринимается как реально бывшее; категория чудесного выведена в подтекст; благодаря использованию исторических аллюзий, литературных реминисценций и образов-архетипов обновляются образы дома и дороги; проявляется многозначность категорий живой и мертвый, а встреча ведет к восстановлению Космоса.

В конце XX в. в балладе усиливается мифологическое начало. Границы открыты, и представители земного / потустороннего миров встречаются во вневременье пространства Вселенной / сознании лирического героя. Мифологическая баллада Ю. Кузнецова «Бледная русалка» обладает потенциалом разноуровневого прочтения: от универсального (трагедия обесценивания жизни человека) до бытового – иронической рефлексии над изменившимся временем, в котором смерть не является трагедией, а становится бытовым явлением. Возможно и символическое понимание баллады как философского осмысления онтологического одиночества человека, метафизической тоски по бесконечному и обреченности на духовную и физическую гибель в опустевшем, ставшем конечным мире.

В «Балладе о Деве белого плеса» Т. Кибирова и балладе «Летчик» М. Степановой совмещение в пространстве примет современности и инверсированных архетипов *верх – низ, дом* придает событию пародийный характер; реминисценции превращают текст в полилог идей о мире и человеке.

Показывается, что в постсоветской балладе современные топосы соседствуют с хронотопическими архетипами. Проницаемость миров открывает непостижимость мироздания, а также его упрощение в бесконечном мире текстов.

В главе 3 «**Варианты сюжета несостоявшейся свадьбы в жанре баллады: динамика и способы преобразований**» ставится вопрос о том, что в балладе сюжет несостоявшейся свадьбы, отражая конфликтное состояние мира, разрабатывается в двух вариантах, для которых характерны разные, но тавтологичные пары персонажей: *мертвый жених – живая невеста* и *мертвая невеста – живой жених*. Наличие двух вариантов сюжета и вариативных характеристик (*живой – мертвый*) по отношению к типологическим для баллады героям объясняется разными причинами нарушения миропорядка: в случае с парой *мертвый жених – живая невеста* причиной является воздействие внешнего мира (исторические / социокультурные коллизии), напротив, пара *мертвая невеста – живой жених* обусловлена катастрофой в личных взаимоотношениях. В главе рассматривается эволюция вариантов сюжета свадьбы: *мертвый жених – живая невеста* и *мертвая невеста – живой жених*, выявляются причины и способы их эволюции.

В разделе 3.1 «**Эволюция сюжета о мертвом женихе в балладе XIX–XXI вв.**» показывается, что в эпоху романтизма разрабатывается традиционная семантика сюжета: явление мертвого жениха в канонических балладах «Людмила», «Ленора» В. А. Жуковского, «Ольга» и «Наташа» П. А. Катенина означает

наступление смерти как наказания за непокорность Богу / судьбе. Акцентируя внимание на *состоянии сна / христианском понимании жизни после смерти* (воскресение), В. А. Жуковский и П. А. Катенин утверждают в сюжете возвращения мертвого жениха гармонию божественного миропорядка.

В балладах рубежа XIX–XX вв. веков сюжет возвращения мертвого жениха в каноническом виде сохраняется в случае *стилизации* («Шотландская баллада» Г. Иванова). Продуктивное изменение семантики сюжета осуществляется благодаря актуализации его аллегорического или символического смысла («Новогодняя баллада» А. Ахматовой, в которой архетипы *мертвый муж – жена* становятся частью гумилевско-ахматовского мифа), диффузии сюжетов («Заклинание» И. Бунина включает в себя сюжет *договора с дьяволом*, мотив *святка*), редукции до *мотива / образов* («Молчалив и бледен лежит жених...» С. Парнок).

В балладе советского периода сюжет возвращения мертвого жениха редуцируется. Перенос действия в современность, автобиографический контекст и исторические параллели, синтез христианских, мифологических и литературных мотивов ведут к трансформации сюжета: понятия *живой* и *мертвый* оказываются *условными / взаимозаменяемыми*; в балладе доминирует рефлексия над чувством вины поколения военных лет, над бездуховностью послевоенного общества («Измена» О. Берггольц, «Баллада о старшем брате» Ю. Кузнецова).

В постсоветской балладе семантические преобразования сюжета сочетаются с его редукцией – распадением на мотивы; алогичность событий мотивируется хаотичным взаимодействием в голосе рассказчика разных дискурсов. В «Балладе о Деве белого плеса» Т. Кибирова мотив свадьбы взаимодействует с сюжетом о блудном сыне, в «Невесте» М. Степановой – с сюжетом встречи с мифическим существом: гость из мира Иных является из подсознания героини. Происходит демифологизация сюжета (перенос события в повседневность) и его ремифологизация как отражение в сознании массового человека мифологизации реальности. Диффузия сюжетов, инверсия и метафоризация сторон оппозиции *живой – мертвый*, переосмысление их семантики перемещают редуцированный сюжет в подтекст, что допускает множественность интерпретаций баллады.

В разделе 3.2 «**Семантические преобразования образа мертвой невесты**» прослеживаются изменения сюжета о мертвой невесте / русалке.

Показывается, что уже в ранних балладах, основанных на русалочьем мифе, поэты используют разноплановую мифологическую традицию, что расширяет семантический потенциал и обуславливает неопределенность смысла сюжета: в балладе В. А. Жуковского «Рыбак» актуализированы *языческие* и *христианские* представления; «Русалка» А. С. Пушкина представляет мотив соблазнения как отражение *ценностного кризиса* в сознании героя; в «Русалке» М. Ю. Лермонтова сюжет приобретает *метафизический смысл катастрофы мироздания*.

Для баллады рубежа XIX–XX вв. характерна разработка образа русалки, который получает различные интерпретации – от *жестоких водных дев* («Русалки» К. Бальмонта) к символическому воплощению *несущего угрозу Космоса* («Русалка» В. Брюсова), от акцента философского *мотива андрогинности* («Баллада» З. Гиппиус) к актуализации *реально-бытового содержания* сюжета, выступающего способом осмысления конфликтного состояния души героини («Мне больше ног моих не надо...» А. Ахматовой, «Русалка под Новый год» С. Есенина).

В советской балладе интерес к русалочьему мифу ослабевает. В балладе Б. Корнилова «Русалка» свадебный сюжет свидетельствует о крушении мироздания; со второй трети XX в. образ русалки *обытовляется* («Моя знакомая русалка» И. Сельвинского), возникает в стилизации («Русалка» А. Тарковского), используется как *средство выразительности* («Бобровый плач» А. Вознесенского и др.).

На рубеже XX–XXI вв. социальные катаклизмы обуславливают обращение к русалочьему мифу: в «Русалке» Ю. Кузнецова сюжет разработан в контексте многозначного образа *тени*, что привносит в балладу символический смысл отказа героев от своего я. В балладе М. Степановой «Рыба» отражается *деромантизация мифа* о русалках в массовом сознании; манипуляции наблюдателя с раненой рыбой вызывают параллели с образом Христа. В децентрированном мире реальность становится путешествием в глубины подсознания героя.

В разделе 3.3 «Способы трансформации сюжета несостоявшейся свадьбы» осмысливаются причины и способы обновлений свадебного сюжета.

В конце XVIII в. в балладном свадебном сюжете вариантами обновления являются *психологизация* повествования и *открытый финал* («Алина» Н. М. Карамзина и др.). Начав с *заимствования* и *перевода*, авторы баллад XIX в. осваивают приемы *мистификации* и *стилизации*, прибегают к *конкретизации времени и места действия* («Ольга» П. А. Катенина), *синтезу сюжетов* («Яныш королевич» А. С. Пушкина). Изменения сюжета свадьбы обусловлены поиском национального пути развития жанра и индивидуально-авторской феноменологией.

Редукция сюжета, привлечение *мифологического, исторического, литературного, биографического* контекстов («Нереида» К. Бальмонта и др.); *перенесение события в область памяти, сознания, подсознания* героя, *символическое, аллегорическое* переосмысление топики («Невеста Ваала» М. Лохвицкой) обуславливают семантические изменения сюжета свадьбы в балладах Серебряного века. Проблема нарушения / восстановления миропорядка осмысливается в контексте философских исканий кризисной эпохи.

В советской балладе эксплицитный сюжет свадьбы встречается редко («Измена» О. Берггольц). Его семантика преобразуется с помощью *интертекста, синтеза жанров, иносказания, биографических параллелей, обращения к истории, мифу* («Война» Б. Корнилова, «Расстрел горного эха» В. Высоцкого). Выход за

пределы индивидуальной трагедии расширяет границы сюжета: актуализируются связь с современностью, проблема противостояния личности и общества.

Свадебный сюжет постсоветской баллады отражает *мировоззренческие* (утрата представления о двоемирии: А. Кушнер «Долго руку держала в руке») и *социокультурные* (разрушение родовых связей: М. Степанова «Жена») изменения.

Делается вывод, что в балладе конца XVIII – начала XXI вв. сюжет несостоявшейся свадьбы эволюционирует от эксплицитно выраженного свадебного сюжета в романтической балладе к многозначному сюжету о *мертвом женихе / мертвой невесте* в балладе Серебряного века; к *сюжету-аллегии* в балладе советского периода и актуализации *семейного сюжета* (при демифологизации / ремифологизации) в постсоветской балладе.

В главе 4 **«Изменение субъектной организации баллады: причины и способы трансформации»** рассматривается, как изменение представления о человеке отражается в динамике номинации героя, в эволюции коммуникативной ситуации, субъектной структуры и речевой сферы в балладе.

В разделе 4.1 **«Имя героя как маркер авторского понимания человека»** выявляется динамика именовании героев как отражение эволюции личностного начала.

В XVIII в. именовании героев свидетельствуют о традиционности авторского сознания. Открытия сентиментализма привносят в балладу внимание к сфере чувств; в номинациях появляются *русские имена*: Услад и Всемила (одноименная баллада Н. Ф. Грамматина) и др. В романтических балладах типология героев (*жертва роковой страсти* («Мальвина» И. И. Козлова) / *историческая личность* («Дмитрий Донской» К.Ф. Рылеева) / *демоническое существо* («Водяной. Баллада» Н. А. Некрасова)) представляет переходный характер эпохи: обновления взаимодействуют с национальной традицией, отмечается сложность выделения индивидуального я из коллективного *мы*.

На рубеже XIX–XX вв. номинации героев / баллад отличает осмысление *себя через миф, историю и литературу*. В мифологических балладах номинации восходят к мировой культуре («Медя» В. Брюсова и др.), в исторических балладах событие преломляется сквозь призму видения автора и мифологизируется («Иоанн Грозный» Б. Садовского). Баллады, где заглавиями становятся имена современников («Баллада о Гумилеве» И. Одоевцевой), участвуют в сотворении посмертного / прижизненного мифа о поэте-демиурге, способном изменить мир.

В советской балладе преобразуется традиция рубежа веков: *героизация настоящего* проявляется в использовании имен современников («Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым» Э. Багрицкого); цензурные ограничения ведут к появлению *прецедентных имен / мифологических образов* («Дневник Пигафетты. Баллада» Б. Лапина); травма Великой Отечественной войны актуализирует обращение к *архетипам* («Баллада о матери» А. Дементьева).

На рубеже XX–XXI вв. обезличенность героев в балладах М. Степановой «Муж», «Жена», «Сын» становится репрезентацией исторических, нравственных травм постсоветского поколения, для которого крушение микрокосма – *семьи* означает *гибель Вселенной*.

Анализ номинаций героев дает представление об изменении человека / типа героя: выделение из коллективного целого, обретение индивидуальности (конец XVIII – начало XIX вв.); осмысление уникальности *я* через контакт с культурой (рубеж XIX–XX вв.); деперсонализация – растворение *я* в коллективном *мы* в советский / постсоветский период.

В разделе 4.2 «**Эволюция субъектной организации баллады как отражение меняющегося места человека в мире**» трансформация субъектной организации баллады на протяжении XVIII–XXI вв. прослеживается как движение по оси *автор – повествователь – лирическое “я” – лирический герой – герой ролевой лирики – герой*, основную тенденцию в котором определяет процесс обретения героем своего голоса / субъектности.

Субъектная организация большинства баллад конца XVIII – начала XIX вв. соответствует принципам объективированного повествования («Людмила» В. А. Жуковского, «Сон невесты» И. И. Козлова, «Тамара» М. Ю. Лермонтова и др.), что объясняется характерным для эпохи романтизма восприятием категории *ужасного* как характеристики не зависящих от воли человека трансцендентных сил / исторических катастроф. В отступлениях от канона эксплицируется позиция *я*-нарратора. Сокращение дистанции между повествователем и героем («Дочь жидов» К. К. Павловой), использование ролевого героя и элементы стилизации («Черная шаль» А. С. Пушкина) свидетельствуют об установлении диалога между разными субъектами сознания – автора, героя и воображаемого читателя.

На рубеже XIX–XX вв. происходит обновление субъектной организации баллады: появляются формы коммуникации *я – ты* («Орфей и Эвридика» В. Брюсова, «Милая» И. Анненского и др.), *я – вы* («Баллада» Н. Гумилева, «Баллада XIV» И. Северянина), *мы – вы* («Русалки» К. Бальмонта), отражающие внутренний диалог в сознании автора; используются многообразные формы воплощения *я*: имеет место сближение *я* с образом биографического автора, то есть появляется собственно лирический герой («Русалка» А. Ганина, «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева и др.); используется прием лирической маски, когда лирическое *я* выступает как форма повествования («Незнакомка» А. Блока, «Старая усадьба» И. Анненского и др.), а также ролевой *я*-маски («Баллада» З. Гиппиус, «Нюрнбергский палач» Ф. Сологуба); уменьшается дистанция между *автором, героем* и *читателем*, реципиент вовлекается в поиск *скрытых смыслов*.

В советской балладе высказывание приобретает *полемический, агитационный, иронический, публицистический* характер, что отражают формы субъектной организации: *усложненная* обращениями *он*-форма с лирическим *я* («Гренада»

М. Светлова); *ролевые* баллады (диптих «Очи черные» В. Высоцкого); тексты с *обобщенным / персонифицированным субъектом* («Баллада о танке КВ» И. Сельвинского); *полисубъектные* произведения («Баллада о доме» И. Голенищева-Кутузова). Смена субъектов высказывания в рамках текста выявляет доминирование хорового сознания, нивелирование личностного начала.

В балладе рубежа XX–XXI вв. проявляется синтез традиций баллады Серебряного века (полисубъектность) и советской баллады (внимание к человеку как части народа), но с переносом акцента на коллективное бессознательное. При *аперсонализации* («Старое имение» С. Юлиной) / *деперсонализации* («Беглец» М. Степановой) исчезают *границы* между словами участников события, рассказанного я-героем / ролевым героем.

Делается вывод, что эволюция субъектной сферы баллады конца XVIII – начала XXI вв. затрагивает все отношения в триаде *автор – герой – читатель*, представляя исторический путь страны, изменение места человека в мире.

В разделе 4.3 «**Речевая сфера баллады в динамике развития жанра**» анализируется внешний уровень субъектной сферы баллады (субсистема голосов).

В балладе конца XVIII – начала XIX вв. доминирует голос повествователя, в его стилистическую зону может входить речь героя. Баллады отличает ориентация автора на традиции фольклора / литературный стиль; совмещение в тексте разных стилей речи («Русалка» А. С. Пушкина) отражает напряжение между жанровыми клише и формирующимся индивидуальным авторским сознанием.

В балладе Серебряного века наряду с установкой на *единство речевой сферы* («Статуя» К. Случевского) проявляется тенденция к ее расширению: используется актуализация интертекстуальных связей, благодаря чему в текст вводится либо «чужое» слово (что характерно для баллад-стилизаций «Стенькин суд» М. Волошина, «Лотова жена» А. Ахматовой и др.), либо отсылки к чужим текстам («Шут» Андрея Белого, «Шотландская баллада» Г. Иванова). Вариантом является сопоставление разных стилей-языков: как способ характеристики персонажей («Орфей и Эвридика» В. Брюсова, «Стенька Разин» М. Цветаевой) и как отражение кризисного душевного состояния лирического я («Баллада» В. Ходасевича). Стилистическую структуру диктует *выбор поэта*: внестилевые включения выступают как принадлежность поэтического мира автора («Война» И. Бунина).

В речевой сфере советской баллады тенденцией 20-х гг. стало *разрушение* стилистического единства («Баллада о доблестном Эмиле» В. Маяковского); в 30–40-е гг. – *унификация* высказывания согласно *нормам официального стиля* (героический дискурс Великой Отечественной войны), *стилистический монологизм*. Воссоздание *многоголосия* начинается в балладе 60-х гг.: в «Казни Стеньки Разина» Е. Евтушенко при *полифонической речевой сфере* дискурсу повествователя противостоит внутренний монолог героя; очевидна установка автора на героизацию предводителя восстания.

На речевую сферу баллады рубежа XX–XXI вв. влияет постмодернистская поэтика (в пределах текста столкновение разных претекстов, цель которого как деканонизация жанра, так и отражение хаотичного сознания ролевого героя); разрушение авторитетных для массового сознания дискурсов характерно для «Баллады о Деве белого плеса» Т. Кибирова, баллады «Рыба» М. Степановой и др.

Делается вывод, что речевую сферу баллады конца XVIII – начала XXI вв. характеризует движение от доминирования речи повествователя к освоению мира через сознание лирического я, вступающего в диалог с традицией; к осмыслению хорового многоголосия и речевой характеристике героя, массового человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Генетически баллада связана с креационным мифом Священного брака как моделью мироздания. Сюжетный комплекс свадьбы как космологической модели Вселенной, в силу антропологизма пралогического сознания представленный в образах брачной пары – жениха и невесты, определяет систему персонажей баллады. В балладе мифологический свадебный сюжет предстает как сюжет несостоявшейся свадьбы, что отражает конфликтное противостояние Космоса и Хаоса в момент крушения миропорядка. Рассмотрение путей эволюции сюжетного архетипа – сюжета свадьбы, который уходит корнями в глубины мифологической древности, позволяет выявить скрытые связи баллады с исторической экзистенциальной ситуацией времени ее создания. Различная интерпретация художественного мира баллады обусловлена использованием многозначных архетипических образов [1–3; 11; 20; 21; 27].

2. Инвариантными признаками жанра являются гетерогенность, междолевой синтез, двоемирие как специфический балладный хронотоп с проницаемой границей между мирами; сюжет несостоявшейся свадьбы; одноконфликтность; событие роковой встречи героя с представителем Иного мира / сил Хаоса; категория чудесного; нарративность. Формирование инвариантных маркеров литературной баллады приходится на конец XVIII – начало XIX в. К вариативным признакам, обуславливающим эволюцию жанра и отражающим мировоззренческие, социокультурные и эстетические изменения, относятся переосмысление сущности двоемирия и границы между мирами, преобразования свадебного сюжета, характер восприятия события встречи с Иным миром как проявление чудесного, обновление субъектной организации произведения. Принципы стиховой организации баллады, не оказывающие существенного влияния на жанровую эволюцию, определяются как периферийные признаки баллады [1; 2; 9; 11; 20; 27].

3. В балладе романтического периода традиционная семантика хронотопических мифологем *дорога – дом, верх – низ, Свет – Тьма* расширяется, получая

более глубокое наполнение в рамках оппозиции *конечное – бесконечное*. Граница выполняет разделительную функцию, сохраняя космический баланс, защищая «свое» пространство от вторжения: переход «порога» и встреча полярных миров приводит к гибели. Роль проводников между мирами выполняют хтонические животные, сакральные образы или предметы быта, обладающие в народном сознании волшебными свойствами. Контакт с Иным миром открывает возможность раскрытия тайных сторон человеческой личности, выявляет неоднозначность законов миропорядка.

Мировоззренческие, социокультурные и эстетические изменения влияют на балладу Серебряного века: осмысление двоимирия как принадлежности сознания субъекта поэтического высказывания нивелирует временные и пространственные рамки, миф проникает в мир земной. Деструктуризация границ приводит к изменению двоимирия: *Добро* и *Зло* обретают амбивалентность, происходят трансформации понятий *свой – чужой, прекрасное – ужасное*. Наряду с каноническими медиаторами междумирия (хтоническими, сакральными образами) в балладе появляется новый мифообраз: механизированное средство пересечения границы – Машина. Балладный хронотоп развивается в двух направлениях: универсализации путем создания многомерного пространства и времени и сближения с реальностью с помощью аллегорического сюжета.

Баллада второй половины XX – начала XXI вв. характеризуется возрастающим влиянием интертекста. Границы открыты: в хронотопе приметы вечности сосуществуют с реалиями современности; происходит децентрация целостного образа мира. Проводниками, проходящими сквозь время и пространство, становятся женские образы (прототип – мать Вселенной). Их роль в противостоянии Хаосу – возрождение культурной памяти, преемственности мира мертвых и живых для единения рода / общества. Наряду с историческими реалиями в балладе используются вневременные мифологические образы. Инверсия архетипических оппозиций, указание на то, что медиаторов Иного мира можно увидеть только в состоянии измененного сознания, придают балладе рубежа XX – начала XXI в. пародийный характер [1; 5; 10–13; 18; 20; 22; 25; 27].

4. Сюжет несостоявшейся свадьбы в литературной балладе реализуется в двух вариантах, каждый из которых отражает катастрофизм мира: в сюжете возвращения мертвого жениха гибель героя обусловлена историческими событиями, нарушающими гармонию мира; сюжет мертвой невесты / русалки отражает катастрофизм личной жизни людей в эпоху исторических катаклизмов. В балладе XIX в. сюжет возвращения мертвого жениха свидетельствует о попытке преодоления дисгармонии мироздания, в балладе XX – начала XXI вв. сюжетные преобразования знаменуют нарастающий катастрофизм истории. Развитие сюжета мертвой невесты связано с переосмыслением образа героини. В эпоху романтизма русалка представляет силы Зла. На рубеже XIX–XX вв. имеет место расширение

семантики образа от русалки-палача до жертвы; появляется новая трактовка персонажа как идеала Вечной Невесты. В постсоветской балладе утверждение представления о мире как Хаосе текстов приводит к полисемии образа русалки: развивается как тенденция усиления мистического духовного начала, так и демифологизации сверхъестественного.

Сюжет несостоявшейся свадьбы проходит путь от готового сюжета и сюжета-мотива к сюжету-ситуации, затем элиминируется, уходит в подтекст, сигнализируя о своем присутствии в авторском сознании знаковыми образами и / или интертекстуальными отсылками. В романтической балладе основными способами разработки сюжета являются сюжетный / жанровый синтез, смещение хронотопических рамок, мистификация, расширение семантики путем обращения к истории, литературе, мифу. На рубеже XIX–XX вв. в балладе актуализируются интертекстуальные связи, осуществляется синтез мифологических сюжетов и их переосмысление с целью создания индивидуально-авторского мифа. Для баллады XX в. характерна социализация сюжета и его использование в качестве аллегорического изображения современности. В постсоветской балладе переосмысление мифологических архетипов выражается в демифологизации сюжета вследствие редукции картины мира и отказа от представления об Ином и его ремифологизации как отражении специфики сознания массового человека [7; 8; 10; 11; 13; 16; 19; 21; 24; 26].

5. Динамика субъектной сферы баллады обусловлена изменением понимания человека и его места в мире, происходящим на протяжении конца XVIII – начала XXI вв., что отражается в типе героя. Маркером изменений является номинация героев: условные литературные имена героев предромантической баллады воссоздают исторический и местный колорит; типология имен героев романтической баллады (жертва роковой страсти, историческая личность, демоническое существо) отражает сложность выделения индивидуального *я* из коллективного *мы*. Диалогизация сознания на рубеже XIX–XX вв. реализуется в установке субъекта высказывания на осмысление себя через судьбы исторических личностей, мифологических персонажей, а также поэтов-современников, именами которых называются баллады. Доминирующая тенденция советской баллады – именование героев через их социальную функцию; в постсоветской балладе рубежа XX–XXI вв. героем баллады становится безымянный массовый человек.

Эволюция субъектной сферы затрагивает все отношения внутри триады *автор – герой – читатель*. От объективированного *он*-героя в романтической балладе к разнообразным формам проявления лирического *я* в балладе Серебряного века, далее к обобщенному герою, представителю народа в советской балладе и к массовому человеку как герою постсоветской баллады; от повествователя, представляющего от автора, к сближению автора и лирического героя в балладе Серебряного века, затем к обобщенному повествователю в советской балладе и

ироническому взгляду на героя в постсоветской балладе; от объектного отношения автора к читателю в романтической балладе к установлению диалогических отношений в балладе Серебряного века, а затем к объединению в коллективном *мы* в советской балладе и наконец к отсутствию коммуникации между героями, автором и читателем в постсоветской балладе – эти изменения субъектной сферы отражают процесс исторического развития страны.

Изменение речевой сферы баллады конца XVIII – начала XXI вв. соотносится с изменением типа героя и субъектной организации. Если в романтической балладе доминирует книжная речь повествователя, представляющего авторское сознание, то в балладе Серебряного века фактором целостности текста становится речь лирического героя, в сознании которого происходит освоение литературной традиции; речевая сфера советской баллады проходит путь от актуализации многоголосия к доминированию дискурса, обусловленного тематической направленностью высказывания, а затем к обретению речевого многообразия; в балладе рубежа XX–XXI вв. внимание к сознанию массового человека, к хаосу децентрированного мира текстов обуславливает ироническое переосмысление разнообразных дискурсов и традиций, что свидетельствует о деканонизации жанра баллады [4; 6; 9; 10; 14; 15; 17; 20; 23; 27].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Основные положения и выводы исследования будут способствовать дальнейшему изучению жанровых трансформаций русской баллады, разработке подходов к изучению жанра в мировой литературе, а также могут быть использованы в изучении истории русской литературы XVIII–XXI вв. Сферами использования материалов диссертации в Республике Беларусь и за ее пределами могут быть вузовские курсы теории и истории литературы, курсы по современной русской литературе. Представленные в диссертации интерпретации конкретных произведений, схема анализа баллады и учебно-методическое пособие «Баллада в русской поэзии XVIII–XXI вв.» [27] могут найти применение в практике школьного и вузовского преподавания литературы.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (акт внедрения № 03-8/022 от 15.07.2021).

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Статьи в изданиях, соответствующих п. 19 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь

1. Черкес, Т. В. Жанрово-стилистическое своеобразие «Баллады о чудном мгновении» П. Г. Антокольского / Т. В. Черкес // Cuadernos de Rusística Española. – 2017. – № 13. – С. 195–209.
2. Черкес, Т. В. История развития жанра баллады: основные принципы жанрообразования / Т. В. Черкес // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 34–44.
3. Черкес, Т. В. Архетипы невеста–мертвый жених в балладе: ситуация встречи как маркер эволюции жанра / Т. В. Черкес // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2020. – Т. 10, № 1. – С.33–43.
4. Черкес, Т. В. Имя героя как маркер эволюции баллады / Т. В. Черкес // Filologos. – 2020. – № 2 (45). – С. 93–100.
5. Черкес, Т. В. Трансформации двоемирия в жанре баллады XIX–XXI века / Т. В. Черкес // Миргород. – 2020. – № 1 (15). – С. 91–113.
6. Черкес, Т. В. Изменение субъектной структуры русской баллады конца XVIII – начала XXI в. как маркер эволюции литературного жанра / Т. В. Черкес // Вестник ПГУ. Сер. А, Гуманитарные науки. – Новополоцк : ПГУ, 2021.– Т. 10. – С. 21–29.
7. Черкес, Т. В. Эволюция сюжета несостоявшейся свадьбы в балладе XIX–XXI вв.: причины и способы трансформации / Т. В. Черкес // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сб. науч. трудов. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. – Т. 33. – С. 177–183.
8. Чаркес, Т. У. Асаблівасці эвалюцыі вясельнага сюжэта ў баладзе XIX–XXI стагоддзяў / Т. У. Чаркес // Беларуская мова і літаратура: у дапамогу педагогу. – 2021. – № 9. – С. 52–59.
9. Черкес, Т. В. Анализ баллады как художественного целого / Т. В. Черкес // Русский язык и литература: у дапамогу педагогу. – 2022. – № 1. – С. 56–64.
10. Черкес, Т. В. Поэтика повседневности в русской балладе XX–XXI вв. / Т. В. Черкес // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 14–24.
11. Черкес, Т. В. Мифологический свадебный сюжет как протосюжет жанра баллады / Т. В. Черкес // Filologos. – 2022. – № 4 (55). – С. 89–96.

Статьи в сборниках научных трудов и других научных изданиях

12. Черкес, Т. В. Особенности художественного времени в балладах «Погоня» Ф. Н. Глинки и «Погоня» В. С. Высоцкого / Т. В. Черкес // Антропология

времени : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2016. – Ч. 2. – С. 241–251.

13. Черкес, Т. В. Трансформации жанра баллады конца XX века (на материале «Баллады о Деве белого плеса» Т. Кибирова и баллады «Летчик» М. Степановой) / Т. В. Черкес // Мир в слове. Слово в мире : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2017. – Вып. 2. – С. 120–133.

14. Черкес, Т. В. Субъектно-образная организация баллад Ю. Кузнецова и М. Степановой / Т. В. Черкес // Человек говорящий, пишущий, читающий в литературе : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2018. – Ч. 1. – С. 324–339.

15. Черкес, Т. В. Номинация героя баллады в контексте истории жанра / Т. В. Черкес // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / Горловский ин-т иностр. языков ; редкол.: С. А. Кочетова [и др.]. – Горловка, 2018. – Вып. 7 (31): Литературоведение. – С. 162–175.

16. Черкес, Т. В. Трансформации жанра в балладе В. С. Высоцкого «Расстрел горного эха» / Т. В. Черкес // Владимир Высоцкий – поэт, актер, певец : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; под ред. Т. Е. Автухович. – Гродно, 2019. – С. 135–151.

17. Черкес, Т. В. Трансформации героя в современной балладе (на материале произведений Ю. Кузнецова и М. Степановой) / Т. В. Черкес // *Initium*. Художественная литература: опыт современного прочтения : сб. ст. молодых ученых / редкол.: Т. А. Снигирева (отв. ред.) ; Л. А. Назарова. – Екатеринбург, 2019. – С. 185–190.

18. Черкес, Т. В. Жанр как инструмент индивидуально-авторской феноменологии : на материале «Встречи» Г. Шенгели и «Баллады о чудном мгновении» П. Антокольского / Т. В. Черкес // Мир в слове. Слово в мире : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2020. – Вып. 3. – С. 115–127.

19. Черкес, Т. В. Трансформация образа русалки в жанре баллады / Т. В. Черкес // *Zywioly. Motyw wody w literaturze, kulturze i sztuce / pod red. I. Hubickiej, S. Pavlenko, K. Arciszewskiej-Tomczak*. – Gdansk, 2020. – S. 31–44.

20. Черкес, Т. В. Жанрообразующие (константные) жанровые маркеры баллады и факторы эволюции жанра / Т. В. Черкес // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре : коллект. моногр. ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ЮрСаПринт, 2021. – С. 128–147.

21. Черкес, Т. В. Мифологический свадебный сюжет в балладах XIX–XXI вв. / Т. В. Черкес // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі : зб. навук. артыкулаў / рэдкал.: Р. М. Кавалёва (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2022. – Вып. 16. – С. 151–157.

Материалы научных конференций

22. Черкес, Т. В. Изменение границы двоemiрия в жанре баллады [Электронный ресурс] / Т. В. Черкес // *Littera terra: матер. VII Междунар. конф. молодых ученых «Littera terra : проблемы поэтики русской и зарубежной литературы»*, 7 дек. 2018 г., Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т ; редкол.: И. А. Семухина (гл. ред.) [и др.]. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – Вып. 13. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

23. Черкес, Т. В. Изменения в субъектно-образной организации баллады начала XX века (на материале произведений И. Бунина) / Т. В. Черкес // *80-летие елецкой филологии : матер. Междунар. науч. конф., Елец, 2019 г.* / Елец. гос. ун-т им И. А. Бунина ; редкол.: С. А. Ломакина (отв. ред.) [и др.]. – Елец, 2019. – С. 390–398.

24. Черкес, Т. В. Жанровые трансформации мифологической баллады первой половины XX века: на материале стихотворения О. Берггольц «Измена» / Т. В. Черкес // *Актуальные проблемы литературоведения, языкознания и культуры Восточной Сибири, Монголии и Китая : сб. матер. III Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Улан-Удэ, 2020 г.* / Восточно-Сибирский гос. ин-т культуры ; редкол.: И. С. Цыремпилова (отв. ред.) [и др.]. – Улан-Удэ, 2020. – С. 138–145.

25. Черкес, Т. В. Особенности хронотопа в жанре постсоветской баллады [Электронный ресурс] / Т. В. Черкес // *Litteraterra : матер. IX Междунар. конф. молодых ученых «Litteraterra : проблемы поэтики русской и зарубежной литературы»*, 4 дек. 2020 г., Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т ; редкол.: И. А. Семухина (гл. ред.) [и др.]. – Екатеринбург : [б. и.], 2021. – Вып. 15, ч. 1. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

26. Черкес, Т. В. Сюжет возвращения мертвого жениха в балладе XX–XXI вв. / Т. В. Черкес // *Сюжетология / сюжетография – 7 : Литературные константы и культурные универсалии : тез. докл. Всеросс. науч. конф., Новосибирск, 18–20 мая 2021 г.* – Новосибирск, 2021. – С. 57–59.

Другие

27. Баллада в русской поэзии XVIII–XXI веков : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Т. В. Черкес. – Гродно : ГрГУ, 2022. – 295 с.

РЕЗЮМЕ

Черкес Татьяна Владимировна Генезис и эволюция жанра баллады в русской поэзии конца XVIII – начала XXI вв.: хронотоп, сюжет, субъектная организация

Ключевые слова: жанр, баллада, конец XVIII – начало XXI вв., генезис, эволюция, хронотоп, сюжет, субъектная организация

Цель исследования – выявить генезис, проследить эволюцию и определить факторы, механизмы и тенденции развития основных структурных компонентов литературной баллады в русской поэзии конца XVIII – начала XXI вв.

Методы исследования – генетический, историко-типологический, мифологический и структурно-семиотический методы с элементами культурно-исторического подхода.

Полученные результаты и их новизна. Обоснована генетическая связь жанра баллады с космогоническим мифом и сюжетом Священного брака. Выявлены инвариантные и вариативные признаки жанра баллады; доказано, что эволюция баллады обусловлена мировоззренческими, социокультурными, эстетическими изменениями, которые отражаются в трансформации инвариантных признаков баллады. Обозначена специфика хронотопа и характер изменения границы между мирами на основных этапах эволюции баллады. Определена специфика балладного сюжета, охарактеризованы значимые для баллады варианты свадебного сюжета, выявлены причины и способы сюжетных преобразований. Рассмотрены особенности номинаций балладных героев, субъектной организации и речевой сферы баллады в их обусловленности изменением представления о человеке и его месте в мире как маркеры развития жанра.

Рекомендации по использованию и область применения. Основные положения и выводы исследования будут способствовать дальнейшему изучению жанровых трансформаций русской баллады, разработке новых подходов к изучению жанра в мировой литературе, а также могут быть использованы при изучении истории русской литературы XVIII–XXI вв. Сферами использования материалов диссертации в Республике Беларусь и за ее пределами могут быть курсы теории и истории литературы, курсы по современной русской литературе. Представленные в диссертации интерпретации конкретных произведений и схема анализа баллады, а также материалы учебно-методического пособия «Баллада в русской поэзии XVIII–XXI вв.» могут найти применение в практике школьного и вузовского преподавания литературы.

РЭЗІЮМЭ

Чаркес Таццяна Уладзіміраўна Генезіс і эвалюцыя жанру балады ў рускай паэзіі канца XVIII – пачатку XXI стст.: хранатоп, сюжэт, суб’ектная арганізацыя

Ключавыя словы: жанр, балада, канец XVIII – пачатак XXI стст., генезіс, эвалюцыя, хранатоп, сюжэт, суб’ектная арганізацыя

Мэта даследавання – выявіць генезіс, прасачыць эвалюцыю і вызначыць фактары, механізмы і тэндэнцыі развіцця асноўных структурных кампанентаў літаратурнай балады ў рускай паэзіі канца XVIII – пачатку XXI стст.

Метады даследавання – генетычны, гісторыка-тыпалагічны, міфалагічны і структурна-семіятычны метады з элементамі культурна-гістарычнага падыходу.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Абгрунтавана генетычная сувязь жанру балады с касмаганічным міфам і сюжэтам Свяшчэннага шлюбу. Выяўлены інварыянтныя і варыятыўныя прыкметы жанру балады; даказана, што эвалюцыя балады абумоўлена зменамі светапогляду, сацыякультурнымі, эстэтычнымі зменамі, якія адлюстроўваюцца ў трансфармацыі інварыянтных прыкмет балады. Акрэслена спецыфіка хранатопа і характар змянення мяжы паміж сусветамі на асноўных этапах эвалюцыі балады. Вызначана спецыфіка баладнага сюжэта, ахарактарызаваны значныя для балады варыянты вясельнага сюжэта, выяўлены прычыны і спосабы сюжэтных пераўтварэнняў. Разгледжаны асаблівасці намінацый баладных герояў, суб’ектнай арганізацыі і моўнай сферы балады, якія абумоўлены зменамі ўяўленняў аб чалавеку і яго месцы ў свеце як маркеры развіцця жанру.

Рэкамендацыі по выкарыстанні і галіна прымянення. Асноўныя палажэнні і высновы даследавання будуць садзейнічаць далейшаму вывучэнню жанравых трансфармацый рускай балады, распрацоўцы новых падыходаў да вывучэння жанру ў сусветнай літаратуры, а таксама могуць быць выкарыстаны падчас вывучэння гісторыі рускай літаратуры XVIII–XXI стст. Сферамі выкарыстання матэрыялаў дысертацыі ў Рэспубліцы Беларусь і за яе межамі могуць быць курсы тэорыі і гісторыі літаратуры, курсы па сучаснай рускай літаратуры. Прадстаўленыя ў дысертацыі інтэрпрэтацыі канкрэтных твораў і схема аналізу балады, а таксама матэрыялы навучальна-метадычнага дапаможніка «Балада ў рускай паэзіі XVIII–XXI стст.» могуць знайсці прымяненне ў практыцы школьнага выкладання літаратуры і выкладання літаратуры ў вышэйшых навучальных установах.

SUMMARY

Cherkes Tatyana Vladimirovna

Genesis and evolution of the ballad genre in russian poetry of the late 18th – beginning of the 21st centuries: chronotope, plot, subject organization

Keywords: genre, ballad, end of the 18th – beginning of the 21st centuries, genesis, evolution, chronotope, plot, subjective organization

The purpose of the study is to identify the genesis, trace the evolution and determine the factors, mechanisms and trends in the development of the main structural components of the literary ballad in Russian poetry of the late 18th - early 21st centuries.

Research methods: genetic, historical, typological, mythological and structural-semiotic methods with elements of a cultural-historical approach.

The obtained results and their novelty. The genetic connection of the ballad genre with cosmogonic myth and plot of sacred marriage is substantiated. The invariant and variable signs of the ballad genre were identified. It was proved that evolution of the ballad is due to the worldview, socio-cultural, aesthetic changes that are reflected in the transformation of the invariant signs of the ballad. The specificity of the chronotope and nature of the change in the border between the worlds at the main stages of the evolution of the ballad are indicated. The specifics of the ballad plot is determined, and the options for the wedding plot significant for ballads are characterized, the causes and methods of plot transformations were identified. The features of the nominations of ballad heroes, subjective organization and speech sphere of the ballad in their conditionality are considered by a change in the idea of a human person and his place in the world as markers of the genre development.

Recommendations for use and field of application. The main provisions and conclusions of the research will contribute to further study of the genre transformations of the Russian ballad, to the development of new approaches to study of the genre in world literature, and can also be used for the study of the history of Russian literature of the 18th-21st centuries. The materials of dissertation can be used for the courses of theory and history of literature, courses in modern Russian literature both in the Republic of Belarus and abroad. The interpretations of specific works and scheme of the ballad analysis presented in this dissertation, as well as the materials of the educational and methodological manual «The Ballad in Russian poetry of the 18th-21st centuries» can be used in the practice of school and university teaching of literature.